

Через некоторое время шум от шагов людей стих, и он уже собирался приоткрыть глаз, чтобы посмотреть, как вдруг ощутил, как матрас под ним прогнулся — кто-то сел на край кровати.

Не нужно было гадать, кто это. Гу Шаобай почувствовал, как волосы на его теле встали дыбом, будто он готовился к атаке. Что он задумал?

Прошло много времени, но никаких действий не последовало.

Гу Шаобай лежал с закрытыми глазами, его спина была напряжена до предела. Оказалось, притворяться спящим — это настоящее мучение!

Внезапно чья-то ладонь коснулась его лица, слегка погладив. Му Цинфэн привык к мечу на поле боя, а в повседневной жизни тренировался с кнутом, поэтому подушечки его пальцев были покрыты тонкими мозолями. Когда он провел рукой по лицу Гу Шаобая, это вызвало легкое покалывание и щекотку.

Гу Шаобай сохранял спокойствие, но внутри он чувствовал тепло и легкое щекотание, будто в его сердце распускался бутон цветка.

Его руку взяли в ладонь, и он услышал глубокий вздох, полный печали и горечи.

— А Бай, что мне с тобой делать?

Сердце Гу Шаобая сжалось. В прошлой жизни, когда он притворялся Чжоу Фэном, тот часто называл его так. Теперь, услышав это имя, он словно вернулся в те теплые и нежные времена, когда они могли провести весь день, просто держась за руки, не говоря ни слова.

Кто бы не хотел сохранить это тепло?

Гу Шаобай понял, что уже давно перестал ненавидеть.

Возможно, с того момента, когда Му Цинфэн держал нефритовую подвеску, ожидая его в темной тюремной пещере; или когда они сидели рядом в лодке, и он обещал защитить его; или когда он кормил его вонтонами с уличного лотка, а потом допил оставшийся суп...

Гу Шаобай с трудом сдерживал слезы, готовые брызнуть из глаз. Но что с того?

Как бы сильны ни были чувства, если в конце их ждет разлука и смерть, он не сможет принять это. Он, Гу Шаобай, готов был пожертвовать рукой или жизнью, но ни за что не хотел проиграть всю свою жизнь!

Он предпочел бы всю жизнь страдать от неразделенной любви, чем снова пережить потерю. Такая боль была словно вырезание сердца, а затем медленное вырезание имени на нем своими руками, пока кровь капала с пальцев.

Внезапно капля жидкости упала на его руку, словно с мощным эхом. Гу Шаобай вздрогнул и невольно открыл глаза.

Тот человек сидел спокойно, глядя на него. Его глаза были чистыми и ясными. Если бы не влажный след на руке, Гу Шаобай мог бы подумать, что это просто его воображение.

Увидев, что он открыл глаза, Му Цинфэн позвал Чжоу Пина, приказав принести суп с женьшенем.

Наклонившись, он с улыбкой спросил:

— Ты проснулся. Как себя чувствуешь?

Гу Шаобай закатил глаза и хотел сказать, что не умрет, но обнаружил, что его горло словно обожжено, сухо и болезненно, а шея едва не сводится судорогой.

Он смирился и решил пока промолчать.

Му Цинфэн проигнорировал его гневный взгляд, помог ему сесть и подложил мягкую подушку за спину. Затем взял чашу с супом из рук Чжоу Пина, взял ложку и начал кормить его.

Теплая, слегка горькая жидкость прошла по горлу, усиливая боль. Гу Шаобай махнул рукой, показывая, что больше не хочет.

Му Цинфэн молча поднес еще одну ложку.

Он с холодным выражением лица игнорировал гримасу боли на лице Гу Шаобая.

Стиснув зубы, Гу Шаобай проглотил суп, словно это были ножи.

Его живот, наполненный водой, урчал, и он почувствовал, как голод сжимает его. Он пожалел, что не поел перед тем, как начать спорить с ним. Теперь он не мог есть, и приходилось заполнять желудок водой.

Он вытянул ноги с кровати.

Му Цинфэн сразу спросил:

— Что ты задумал?

Гу Шаобай холодно посмотрел на него. Конечно, он собирался домой. Разве он останется здесь, чтобы его задушили ночью?

С трудом выдавив из пересохшего горла два слова, он произнес:

— Домой!

— Не позволю, — ответил Му Цинфэн.

Гу Шаобай был в ярости. Это явное злоупотребление властью! Он чуть не погиб от его рук, а он даже не извинился, а теперь еще и командует. Неужели ему мало было издеваться?

Он проигнорировал ледяное выражение лица Му Цинфэна и наклонился, чтобы надеть обувь. Но голова его закружилась, пол поплыл перед глазами, и, не успев подумать, он рухнул на пол. Однако его поймали крепкие руки, и последней мыслью перед тем, как он потерял сознание, было: «Этот тип подсыпал что-то в суп!»

Му Цинфэн смочил полотенце и протер ему лицо, руки и даже ноги. Затем укрыл Гу Шаобая одеялом. Под толстым одеялом его худое лицо было окутано мягким светом, а под действием успокоительного его дыхание стало глубоким и ровным.

Он провел большим пальцем по его бледно-розовым губам, ощущая их тепло и мягкость. Му Цинфэн глубоко вздохнул и вышел из спальни.

Чжоу Пин, ожидавший во дворе, подошел к нему:

— Князь, молодой господин Вэньсинь только что был здесь.

Дождь только что закончился, и воздух был пронизан холодом. Осенний дождь принес с собой еще больше холода, и казалось, что осень уже почти закончилась.

Чжоу Пин продолжил:

— Молодой господин Вэньсинь пришел попрощаться. Он отправился искать Яцзяня, как вы и велели. Увидев, что вы заняты, он ушел.

Му Цинфэн кивнул и тихо сказал Чжоу Пину несколько слов. Тот удивленно поднял голову:

— Князь, это не лучшая идея!

Если бы такие слова произнес кто-то другой, это было бы серьезным нарушением этикета. Но Чжоу Пин с детства служил старому князю, был предан двум поколениям хозяев, и Му Цинфэн относился к нему как к члену семьи.

Тем не менее, осознав, что переступил границы, Чжоу Пин опустил голову:

— Прощу прощения, князь.

Му Цинфэн не обратил на это внимания:

— Дядя Пин, говорите прямо.

— Хорошо, — Чжоу Пин тщательно подбирал слова. — Князь, господин Гу кажется мягким, но внутри он тверд. Он не согнется, даже если его сломать. Если вы будете действовать мягко, это не сработает, а если попытаетесь удержать его силой, это только вызовет у него отвращение и не приведет ни к чему хорошему.

Му Цинфэн глубоко вздохнул. Холодный воздух заполнил его грудь, рассеивая давнюю тяжесть в сердце. Он резко повернулся и с гневом сказал:

— Он вовсе не мягкий внутри. Он как еж, который не успокоится, пока не исколет всех вокруг. Даже когда я убивал на поле боя, я никогда не чувствовал такой слабости. Если он не поддается на мягкость, тогда будем действовать жестко. Я не верю, что не смогу укротить этого ежа.

Чжоу Пин молча слушал. Му Цинфэн с детства был мудрым не по годам, в отличие от своего отца. Он был хитрым, расчетливым и готовым на все. В молодости он сделал много жестоких вещей, чтобы помочь третьему принцу взойти на трон. Но сам он не был злым человеком, поэтому после восшествия императора на престол он добровольно сложил с себя военные полномочия. Хотя император дал ему право управлять тремя министерствами, он практически не вмешивался в дела, видимо, желая жить спокойной жизнью.

Раньше Чжоу Пин спрашивал своего хозяина, почему он помог нынешнему императору взойти на трон. Тот ответил, что у предыдущего императора было мало наследников. Старший принц был жестоким, любил мучить молодых девушек, и каждые несколько дней из восточного дворца тайком выносили тело. Все в дворе знали об этом, кроме императора. Как такой злой человек мог стать великим правителем? Второй принц был посредственным, а его

родственники имели слишком большое влияние. Если бы он взошел на трон, двор был бы охвачен чистками. Когда Му Цинфэн учился во дворце, он заметил, что третий принц был умным, ненавидел зло и любил добро. Хотя он был молод, он умел скрывать свои амбиции.

Он мог бы жить в роскоши, но предпочел держать меч в руках. Когда третий принц стал императором, Му Цинфэн без колебаний сложил с собой военные полномочия, сказав, что границы спокойны.

Чжоу Пин вздохнул. Князь И, который мог быть великим правителем или жить спокойной жизнью, терял самообладание только из-за Гу Шаобая. Любовь действительно может разрушить человека!

Гу Шаобай проснулся, когда уже рассвело. Кроме синяков на шее, которые еще не прошли, и трудностей с речью, он чувствовал себя нормально.

Он встал с кровати, чтобы взять верхнюю одежду с вешалки и сбежать, пока в комнате никого не было.

Но, надевая носки, он замер.

Что это на его ноге?

Кровь ударила ему в голову, и он чуть не потерял сознание.

Он потрогал это черное, холодное, тяжелое и плотно обхватывающее его ногу. Это был кандал?

Он посмотрел на длинную цепь, один конец которой был прикован к его левой ноге, а другой — к кровати. На мгновение у него закружилась голова.

Тихие шаги и шорох одежды раздались позади него. Кто-то вышел из-за ширмы и остановился в тени занавесок у кровати.

<http://bllate.org/book/16730/1538929>